

М. Потемина

«Остальгия» в литературе объединенной Германии

Объединение Германии, падение Берлинской стены, большие перемены в сфере политической и культурной жизни страны не могли не затронуть литературу. «“Немецкая литература объединения” — это, без сомнения, один из важнейших и актуальнейших вопросов, интересный не только в свете литературоведческих исследований современной литературы, но и важный для понимания того, как воспринимается немецкая литература обществом»¹, — справедливо отмечает Фолькер Ведыкин.

Уставшие от западной «поп- и треш-литературы» читатели и критики обратили свое пристальное внимание на молодых писателей бывшей ГДР. Известный критик Ирис Радиш противопоставляет «заурядной» западно-немецкой поп-литературе «поэтическую, трагическую и, в лучшем смысле этого слова, политическую» литературу молодых восточных авторов. От «поколения 80-х» ожидается «сведение счетов» с идеалами прошлого, критика по отношению к «коммунистическому строю», «просвещение» в вопросах, затрагивающих повседневную жизнь «осси». Но не всегда авторы оправдывают ожидания критиков и политиков. Их спокойная, немного ироничная, иногда меланхоличная манера повествования позволяет недостаточно внимательным западным критикам обвинить молодых восточных авторов в ностальгии по ГДР.

В этой связи в СМИ и критической литературе все чаще упоминают слово «остальгия». Такому положению дел, без сомнения, способствовали бесчисленные автобиографии, эссе, записки, наблюдения, частные воспоминания, художественно переработанные дневники бывших жителей ГДР, наводнившие книжный рынок в первые годы после «воссоединения» двух немецких государств. Не утихающие литературные споры по поводу не критического отношения и ностальгически окрашенного изображения действительности ГДР не обошли даже Гюнтера Грасса, роман которого «Широкое поле» (“Ein wetes Feld”) стал поводом к новому всплеску возмущения западнонемецких критиков, литературоведов и даже политиков. Не мень-

шее удивление и эмоции вызвал тот факт, что роман пользовался большой популярностью среди читателей, вознесших его на первое место среди прочих бестселлеров. Особенно много поклонников роман приобрел среди населения бывшего ГДР, разделяющего взгляды некоторых героев романа — представителей восточной Германии. Так, одно из действующих лиц романа — профессор Фрейндлих — не раз отмечает в переписке с Фонти, что многие моральные ценности бывших жителей ГДР, достижения искусства, литературы и даже науки в новых политических и социальных условиях обесцениваются и измеряются «западными мерками».

Дебаты вокруг романа Гюнтера Грасса указывают на многогранность темы «объединения Германии» в немецкой литературе. Литературные споры становятся темой политического дискурса.

Прежде чем говорить о понятии «остальгия», необходимо рассмотреть ряд событий, на фоне которых и частично благодаря которым оно вошло в культурно-общественную жизнь современной Германии.

Как известно, 3 октября 1990 года ГДР перестала существовать как государство. Население Восточной Германии, как, впрочем, и западной ее части, с воодушевлением и восторгом отнеслось к этому историческому событию. Многие бывшие жители ГДР в состоянии эйфории, бросая работу, квартиры, зачастую даже с мебелью и продуктами в холодильниках, спешным порядком перебирались на Запад с надеждой на более комфортную и счастливую жизнь. Они активно окунулись в новые для себя социально-экономические отношения и пытались адаптироваться в новых условиях.

В первые годы после объединения Германии у восточных немцев не было времени на рефлекссию, им приходилось действовать, а не задумываться о своем прошлом. Собственная история в этот период оказалась в полном забвении по двум причинам. С одной стороны, на фоне новых реалий, новой культуры, новых отношений она представлялась восточным немцам недостаточно важной, достойной внимания, а с другой — прошлое ГДР и так весьма активно освещалось западными средствами массовой информации, правда, довольно однобоко, в критическом, обличительном ключе. Доминирующей темой всех публикаций была идея победы демократии над тоталитарным социалистическим обществом.

Этот фон поддерживался и вышедшими в это время в свет произведениями старшего поколения писателей из бывшей ГДР, воссоздающих политическую картину лет, в которых доминировала не столько частная жизнь человека, сколько его жизнь как часть тоталитарного государства (“Was bleibt?” Кристины Вольф, “Der Tangospieler” Кристофа Хайна, “Ich” Вольфганга Хильбига, “Vierzig Jahre. Ein Lebensbericht” Гюнтера де Брюна, “Erwachsenenspiele, Erinnerungen” Гюнтера Кунерта, “Mauerblume, Ein Leben auf der Grenze” Юргена Кучински, “Nikolaikirche” Эриха Лейста, “Ein weites Feld” Гюнтера Грасса). Слова «тоталитарное государство», «штази»,

«центральный комитет», «слежка», «побег», «коммунистический строй» встречались в газетах и художественных произведениях настолько часто, что восточные немцы вдруг переставали узнавать в этом мрачном образе своей прошлой жизни самих себя. Неожиданно, после стремительной радикальной перестройки и смены приоритетов, среди новоявленных граждан Западной Германии наступило чувство меланхолии. Реальные люди и их прототипы в литературных произведениях этого периода осознали, что ГДР как система со всеми своими общественными сферами, учреждениями, иерархиями и культурными ценностями безвозвратно исчезла. И, как это часто происходит, бывшие граждане ГДР, удовлетворив свой прежде всего «экономический голод», стали испытывать «голод духовный», так как идеализированное ими ранее за высокой стеной капиталистическое общество отвергало такие привычные понятия, как солидарность, взаимоподдержка, общность, социальная справедливость, которые имели место в их прошлой жизни. Тоска по этим отношениям спровоцировала появление неожиданных символов материального толка, ассоциирующихся с приятными посиделками на кухне в кругу близких людей. Символы, продукты, слоганы и ритуалы времен ГДР стали семантикой любительского дискурса. В нем простые люди перерабатывали как время ГДР, так и стремительный демонтаж собственной жизни и комментировали его по-новому в свете актуального опыта. С этого момента формируется альтернативный взгляд на жизнь в ГДР и её атрибутику. Именно тогда на страницах газет и журналов впервые появилось понятие «остальгия», отражающее настроения, которое западные немцы обнаружили после объединения Германии у немцев восточных. Остальгия должна была показать, что «все, в общем-то, было хорошо», что жизнь в ГДР была «намного сложнее и запутаннее» и все еще представляет собой кусочек родины и собственной биографии. Не обошли эти настроения и литературу. Так, в романе Марко Мартинса «Принц из Берлина» (“Der Prinz von Berlin”) целая глава носит название «Банка Флорены» (“Die Florena-Dose”) в честь одного из крупных производителей ГДР. «Следы бройлера» (“Spur der Broiler”) Райнхарда Ульбриха, по мнению Ф.Т. Груба, вообще может считаться «романом восточных продуктов»², так как перечисление наибольшего количества продуктов из бывшего ГДР становится лейтмотивом книги: «Ошеломленные, мы спрятались в саду и первым делом, из вредности, стали сосать молочные леденцы *Henry*», «в рамках дружеской встречи Лаузи и я только успели съесть по этому случаю два *Rotplombe* — пудинга, как кто-то постучал в дверь»³. В романах Ульбриха вообще много едят и пьют. Составление меню становится самоцелью, в то время как в других литературных произведениях главному герою и в голову не придет при поглощении конфет или пудинга упоминать о фирмах-производителях. В романе Вольфганга Зэмманна «Моя жизнь в караване» (“Mein Leben im Caravan”) чистящие средства производства ГДР символизируют «старые» времена и смягчают горечь

расставания с прошлым: «Во время мытья моего жилого тракта я потратил последние запасы Fit и otros. Вместе с тем как закончились чистящие средства, испарились и старые времена»⁴.

Продукты из бывшего ГДР неожиданно становятся позитивными символами, что было немыслимо до объединения. Всё реже восточные продукты связаны с негативным имиджем. Так, обивщик мебели из Восточной Германии Лео Прюнцке из романа «Прюнцке и Протт» (“Prünzke&Protт”) Герхарда Бенгша не может продать свой товар после объединения. На жалобы восточного немца о трудностях, возникших со сбытом обивочных тканей производства ГДР («залежалый товар»), разбирающийся в бизнесе западный немец отвечает следующим образом: «Тогда вам просто нужно написать что-нибудь другое... Эти текстильные товары были не так уж и плохи, я сам раньше закупал их в ГДР: гардины и занавески, ковровые покрытия из Ольсница. Но, конечно, я не был настолько сумасшедшим, чтобы говорить своим клиентам, откуда этот товар на самом деле»⁵.

Достаточно редко восточные и западные продукты противопоставляются друг другу. Так, например, в сатирических эссе Гюнтера Херлта “Dann klappt es auch mit der Nachbarin!” и “Was der Bauer nicht kennt...”⁶ поднимается вопрос о том, почему западные продукты не могут обогнать восточные в предпочтениях «осси». В отличие от знакомых восточных, западные продукты оцениваются восточными немцами как чуждые, неизведанные. Имея статус чего-то особенного, в литературных текстах они используются чаще всего вместе с названиями фирм и брендов. Эти товары выступают в роли индикаторов, символов «нового времени», как, например, в рассказе Михаэля Вюстерфельда «Погранполоса» (“Grenzstreifen”): «Было лето, когда в сельпо появились *Lila Pause, Nimm 2* и *Coca Cola*»⁷ — или романе Андре Майера “Fixies”: «Мюллер сделал фотографию. По всей видимости, это было Рождество 1989 года. Наверняка не раньше, так как на фотографии Е. Т. судорожно вцепилась в свою первую *Barbie...*»⁸

В своем романе «Московское мороженое» (“Moskauer Eis”) Аннет Грешнер не ограничивается лишь упоминанием восточных марок и фирм производителей. Героиня дает детальную информацию о моделях холодильников производства ГДР и тем самым выходит далеко за рамки простого упоминания, которое встречается в большинстве других текстов. Холодильники превращаются здесь не только в символ воспоминаний, неведомых большинству западных немцев, но и в некий код, понятный только бывшим гражданам ГДР, становящихся, таким образом, частью тайного сообщества. Избавление от старых моделей холодильников воспринимается автором метафорически как «уничтожение» истории ГДР: «... пять минут шоковой заморозки — и прошлое отпадает, как старая кожа»⁹. Тема разрушения и перечеркивания прошлого становится лейтмотивом романа А. Грешнер.

Остальгия тем не менее отнюдь не является желанием вернуться к прежним суровым временам. Это ностальгия по времени, когда у людей были мечты, была надежда. Когда людям снился мир за границей. Теперь, когда они живут в этом мире, на смену мечтам пришло глубокое разочарование

«Остальгия» как культурный, социальный и политический феномен немедленно становится предметом изучения журналистов, социологов, психологов, литературоведов и даже политологов. В одной из энциклопедий «остальгия» (*Osten und Nostalgie*) определяется как воспоминание, ретроспективный взгляд на вещи и обстоятельства из повседневной жизни бывшей ГДР. При этом само слово не имеет ярко выраженной положительной или отрицательной коннотации. Тем не менее ни один писатель или режиссер, уличенный в «тоске по восточной Германии», не почувствует себя польщенным, напротив, будет всячески убеждать в беспочвенности таких подозрений. Ведь упрек означает не что иное, как обвинение в некритическом обращении с историческим прошлым и даже политической некорректности.

Одновременно в литературной жизни Германии наступает новый этап переработки прошлого в виде романов и рассказов среднего поколения «восточных» писателей, родившихся после 1960 года и, как правило, лишь после объединения Германии ставших известными публике. Ведь для большинства этих авторов объединение Германии действительно является важнейшим событием мирового значения, участниками которого они стали, и падение Берлинской стены послужило поводом еще раз обратиться к своему прошлому и попытаться осознать, какие перемены несет с собой новая политическая ситуация. Возможно, поэтому Берлинская стена и жизнь по обе ее стороны оказываются основной темой их творчества. Романы Томаса Бруссига «Герои, такие же, как мы» (“*Helden wie wir*”, 1995), «В коротком конце Солнечной Аллеи» (“*Am kurzesten Ende der Sonnenallee*”, 1999), роман “*Simple Storys*” (1998) другого «восточного» автора — Инго Шульце — становятся бестселлерами.

Вместе с тем романы этих авторов не оправдывают надежды тех, кто ждал от них какого-либо политического заявления. Авторы удивляют не своим критически-просветительским взглядом, который в них предполагался, — их отличает доброжелательная, хотя и ироническая дистанция к описываемым событиям. Они оттачивают свое мастерство игры с атрибутами повседневности, пытаются рассмотреть жизненные обстоятельства рядовых жителей Германии, не подвергая их программному анализу. Иронически представлены ностальгические настроения жителей бывшей ГДР в романе «Комнатный фонтан» Йенса Шпаршу (“*Der Zimmerspringbrunnen*”). Главный герой так описывает неожиданный успех преобразованной модели фонтана с символическим названием «Атлантида», напоминающей своей формой очертания ГДР, «исчезнувшей страны»: «Успех, которым пользо-

валась моя АТЛАНТИДА, был мне непонятен, и временами даже пугал меня... Конечно, некоторые воспринимали АТЛАНТИДУ как милую шутку, как такой прикол, которым можно позабавить друзей на вечеринке. Но основная масса относилась к АТЛАНТИДЕ как к предмету культа. Зачастую она с почетом водружалась на самые настоящие алтари...»¹⁰

В романе Петера Шнайдера «Возвращение Эдуарда» (“Eduards Heimkehr”, 1999) разговор о ГДР ведется вернувшимся из США в Германию журналистом. ГДР сравнивается здесь с любимой, рано ушедшей из жизни женщиной, не лишенной недостатков, чье имя известно каждому:

По всей видимости, у оплакиваемой был один ужасный недостаток: ее непоколебимую уверенность в своей правоте, нежелание прислушиваться к советам, ее высокомерие по отношению к жизни практически невозможно было выносить. Она была до такой степени убеждена в безошибочности своих идей, что отметала все предостережения. Очевидно, она не могла себе представить, что будет окружена с момента рождения врагами, которым больше нечего было делать на этом свете, как доставлять ей неприятности. В конце концов враги победили и в не имеющем аналогов грабительском походе прибрали к рукам все, что она оставила после себя — озера и дома, духовную недвижимую, душу чудесной, сложной и загадочной женщины по имени ГДР¹¹.

Обращаясь к собственной субкультуре, используя новые выразительные средства, писатели пытаются найти свой собственный стиль. Ведь «нельзя безнаказанно использовать один и тот же стиль для времени до и после 1989—1990 годов. Значение языка, которым пользуются люди при системе, основывающейся на идеологических постулатах, отличается от языка, который формируется в системе “товар, рынок, деньги”»¹², — отмечает Инго Шульце.

На изменения в восприятии действительности откликнулись не только писатели, но и режиссеры. И если книги ГДР-овских авторов прочитали не все, то уж фильмы посмотрела почти вся Германия. Знаковыми в этом смысле стали два фильма последних лет — “Sonnenallee” и “Good Bye, Lenin!”.

Вышедший на экраны кинотеатров в 1999 году фильм «Солнечная аллея» получил большой отклик со стороны зрителей (причем как восточных, так и западных немцев), но натолкнулся при этом на целую волну противостояния у критиков и политиков. Многие критики обвиняли фильм в преуменьшении серьезности проблемы и приукрашивании повседневной жизни в ГДР. На первый взгляд кажется, что эти нападки не беспочвенны, так как Томас Бруссиг, предлагая сценарий к фильму, заявил: «Я хотел бы, чтобы это был такой фильм, после просмотра которого западные немцы сожалели, что не смогли пожить в ГДР». Да и официальный рекламный ролик фильма звучит достаточно провокационно: «Пришло время рассказать о том, что было в ГДР кроме стены, штази и центрального комитета».

Критики отмечали, что в фильме, так же как и в книге, не обличается механизм подавления личности в тоталитарном государстве. Но все же если присмотреться повнимательнее, то представители власти высмеиваются авторами, предстают чрезмерно наивными и оторванными от жизни, да и все остальные герои, которые олицетворяют собой наиболее яркие для восточного населения типажи, кажутся неузнаваемыми, утрированно стереотипными. Не только восточные, но и западные немцы представляются достаточно односторонне. Так, дядя главного героя Хайнц придирчив, подсмеивается над условиями жизни в ГДР, впрочем, как и западный друг одной из героинь. Подобные настроения описываются и в романе М. Гросса «Последний год», где жители Восточной Германии вызывают у главного героя с Запада чувство, похожее и на брезгливость, и на жалость. ГДР выглядит как захолустье, безнадежно отсталая провинция, по отношению к которой столицей выступает «Запад».

Глубокая пропасть между ГДР и ФРГ особенно заметна в фильме «Sonnenallee». Режиссер Леандер Хаусманн представляет ГДР как зоопарк, за которым наблюдают со смотровой площадки западные немцы, для того чтобы посмотреть на «бедных» восточных немцев сверху вниз, почувствовать свое превосходство и повеселиться, как делают это посетители у клетки с обезьянами. Описывая свою жизнь на коротком кончике солнечной аллеи, главный герой Михаэль рассказывает, как собиравшиеся чуть ли не целыми классами западные школьники смеялись, свистели, улюлюкали и кричали: «Смотри-ка, живой зонни!» «Зонни — это в смысле житель Восточной зоны, — объясняет герой, — или “эй, зонни, сделай ручкой, мы тебя щелкнем!”» Однако не только западные немцы подсмеиваются над восточными жителями, но и Миха со своими друзьями забавляются тем, что шокируют западных туристов, притворяясь смертельно голодными. Не менее иронично и описание дяди с Запада, который с большими предосторожностями, гордясь собой, перевозит контрабандой разрешенные продукты.

Фильм исследует двойственную суть феномена остальгии в Германии. С одной стороны, фильм пытается восстановить баланс между западными и восточными немцами, преодолевая исторический процесс вытеснения всего восточногерманского из общественной жизни. Фильм должен был рассказать об обычных буднях и переживаниях восточных немцев, при этом ностальгические настроения, которые вызывает у читателя и зрителя главный герой, возникают из-за воспоминаний о собственной юности и ностальгии по ней, а не по ГДР.

С другой стороны, используя гиперболически, иронически символику ГДР и деталей восточного быта, фильм пытается дистанцировать зрителей от бывшей восточной Германии от своей истории и ГДР. Таким образом подавляется и заглушается потенциально доминирующее остальгическое

прочтение истории. С одной стороны, в фильме (п)остмодернистски используются остальгические знаки и символы, с другой — автор ставит феномен «остальгии» под вопрос. Он говорит о том, что собственное прошлое не стоит ни скрывать, ни оживлять.

В 2003 году остальгическая волна вновь накрывает Германию. Многие критики связывают ее появление с выходом в свет нашумевшего фильма “Good bye, Lenin!”, ставшего одной из самых кассовых немецких картин последнего десятилетия. Фильм этот получил приз на Берлиннале, затем 9 наград Национального киноконкурса и даже был выдвинут Германией на «Оскар». Примечательно и то, что режиссером фильма стал западный немец Вольфганг Беккер.

Сюжет фильма основан на событиях вокруг объединения Германии. Мать главного героя картины Алекса впадает в кому незадолго до развала Берлинской стены и приходит в себя через восемь месяцев после объединения. Чтобы помочь матери-коммунистке постепенно привыкнуть к новой реальности, Алекс пытается построить светлое коммунистическое будущее в отдельно взятой квартире. Он реконструирует на территории своего дома привычную для нее «гэдээровскую» обстановку, перекладывая в старые банки свежие западные продукты, снимая для нее сюжеты бодрых теленовостей и даже экранизируя репортаж о присоединении ФРГ к восточным областям и добровольной передаче власти коммунистическим лидером Эриком Хонеккером первому немецкому космонавту Зигмунду Йену. Фильм очень ярко показывает и победителей, и проигравших в процессе объединения. Некоторые герои фильма не всегда справляются с новой ситуацией. Так, сосед Ганцке ностальгирует по ГДР со всеми ее достижениями. Он хочет, чтобы «все стало, как прежде». Он как раз и олицетворяет наивно остальгический менталитет, так как не может адаптироваться в новых жестких условиях. Так же реагирует на изменения и другой герой — бывший школьный директор и секретарь партии Клаппрат, ставший безработным и заливающим свое горе алкоголем. Фильм, таким образом, показывает и теневые стороны объединения, частные катастрофы проигравших в этом противостоянии пожилых жителей Восточной Германии. С другой стороны, беспомощного Райнера, приехавшего с Запада, можно смело ставить на сторону выигравших, так как, воспользовавшись результатами этого процесса, ему удалось за смешные деньги приобрести квартиру и «трабант». Главный герой, 21-летний Алекс, потерявший после объединения свою работу, но вскоре нашедший другое место, быстро ощутил на себе негативные стороны западной системы. Кроме всего прочего он замечает, что ничто больше не протекает так медленно и уютно, как прежде, в его жизнь вошли суэта и стремительность. Запад обесценивает достижения и образ жизни Алекса. Так, например, когда он и его сестра после долгих поисков находят спрятанные матерью деньги, проходит срок обмена вос-

точных марок на западные, и 30 тысяч восточных денег превращаются в не имеющее никакой ценности конфетти.

Алекс научился ценить позитивные стороны ГДР в своей юности. Его прощание с этой страной представляет собой одновременно и прощание с детством. Он не только становится взрослым, но и вынужден привыкнуть к новым реалиям и новому менталитету. ГДР, создаваемая им для своей матери и частично для себя, представляет собой ГДР, о которой он мечтал, и вызывает в нем «остальгическое» чувство. Тем не менее второе прощание с ГДР в последних снятых им для матери новостях должно стать достойным этой страны. Ведь, по мнению режиссера, ностальгия по Восточной Германии вызвана тем, что «ГДР даже не похоронили с честью, а просто прекратили ее существование. Люди из Восточной и Западной Германии до сих пор немного разные».

Василь Лье отмечает, что Беккер старался своим фильмом показать вечность нравственных ценностей: системы меняются, империи рушатся, а счастье продолжает строиться только на фундаменте любви и сочувствия. И «остальгировать» в этом фильме можно только по добру, которого в жизни становится меньше, и человеческим участием и сердечности, все чаще объявляемым глупостью и непростительной слабостью¹³.

После выхода этого фильма в прокат теперь уже среди западной молодежи стали устраиваться «остальгические» вечеринки, на которые пускали по удостоверениям Jungpioneer — пионерской организации ГДР, в Интернете появились бесчисленные сайты, посвященные тематике ГДР, вплоть до словарей ГДР-овской лексики и виртуальных галерей восточного искусства. «Трабант» приобретает статус культового объекта. Телевидение заполнили различные развлекательные «ост-шоу», предлагаемые западными частными и государственными каналами для западных зрителей. Памятник «траби», поставленный в Цвикау, стал высшей точкой в процессе мифологизации ГДР-овской вещи.

В книге Манфреда Венигера «Памятник Трабанту» (“Das Trabi-Denkmal”) «трабант» становится главным героем повествования. Ожидая своего конца, среди металлолома, он вспоминает о хороших и плохих временах в своей жизни. Интересным представляется посвящение рассказчика в начале книги:

Для всех, кто понимает мой мир;
Для всех, кому он чужд;
Также для тех, кто даже
не пытается его понять;
Для всех, кто охотно предается воспоминаниям,
Для всех, кто не хочет вспоминать...

И в первую очередь для Эдит и Петера
Один Трабант из многих¹⁴.

«Трабант» вообще играет большую, если не основную, роль во многих книгах-воспоминаниях восточных авторов (“Vom Trabi und steinernen Engeln” Карла Мундштока, “Keine Angst vorm Trabant” Лотара Куше, “Go, Trabi, go down” Курта Драверта, “Adieu, Pappe... Ein Nachruf” Хеннига Павела). Такое обилие рассказов и эссе послужило поводом представить «трабант» к званию «автомобиль года» — наперекор общему стремлению в других сферах жизни ко всему новому и инновационному.

Литературные критики начали говорить о «поколении Трабант» — третьем, новом поколении 25—30-летних авторов, считающих себя последними «настоящими» «осси». В своих рассказах они противопоставляют застывшему государственному укладу личные воспоминания детства и юношества. Причем центральными становятся воспоминания не только об исчезнувшей стране, но и о новом капиталистическом немецком государстве. Эта серия открывается книгой Яны Хензель «Дети Зоны» (“Zonenkinder”). Среди воспоминаний о прошлой жизни на Востоке и новой жизни на Западе происходят события в книге Клаудии Руш «Моя свободная немецкая юность» (“Meine freie deutsche Jugend”). Легко узнаваемы и поэтому любимы восточными читателями короткие зарисовки из восточной жизни в книге Михаэля Тетцлаффа (“Ostblöckchen. Neues aus der Zone. 38 Kolumnen”).

Но все же эти бесчисленные воспоминания и новеллы слишком фрагментарны, односторонни, поверхностны. Так же как и продукты массовой постмодернистской западной культуры в стиле поп-арт, «остальгия» используется молодыми восточными авторами и западными шоуменами для создания новой увлекательной игры, которая творится из элементов символов и знаков ГДР по сценарию социалистических мифов массовой культуры ГДР.

Наряду с вышеизложенными направлениями в литературе остальгии особое место занимают рассказы на тему «Что случилось бы, если бы ГДР вышла победительницей?» В этой связи стоит упомянуть юбилейные сборники “Die DDR wird 50” и “50 Jahre DDR”, а 6 октября 1999 года, за день до «юбилея» выходит специальный выпуск газеты “Junge Welt” под названием “DDR 50”. Подробнее всего идея продолжения существования ГДР разрабатывается в эпических произведениях. В первую очередь речь идет о книге «Красное объединение: как осси победили весси» (“Rote Wende: wie die Ossis Wessis besiegten”) Райнхольда Андерта, а также романах “Schönes Deutschland” Торстена Беккера, “Die Mauer steht am Rhein” Кристиана фон Дитфурта, “Erich lebt” Себастиана Каулера, “Bloß gut, dass es uns noch gibt” Йорга Мервальда, рассказах “Die andere Möglichkeit” Петера Энзиката, “Versuch eines Tagebuches und ewig währt die DDR” Лутца Ратенова.

«Красное объединение» — это не роман, а фиктивная документация. Уже по названию можно определить, что речь идет о некоем синтезе между реальностью и фикцией, так как почти все используемые автором име-

на и названия указывают на реальных персонажей. Стиль сборника гиперболистичен. Так, например, бывший бундесканцлер Гельмут Коль отправляется в эмиграцию в Парагвай, Карл-Эдуард фон Шницлер становится главным редактором газеты “Bild”, фирма «Фольксваген» выпускает новую модель «трабант 603», председатель Германской коммунистической партии Герберт Мис становится бундесканцлером, а в родном городе Эриха Хонеккера Вибельскирхен открывается Музей истории немецкого рабочего движения.

Не менее гиперболистичен роман Кристиана фон Дитфурта «Стена стоит на Рейне» (“Die Mauer steht am Rhein”), в котором из двух немецких государств возникает ДРГ (DRD-Demokratische Republik Deutschlands) — Демократическая Республика Германии. Возможным объединение стало благодаря так называемой Женевской конференции, в которой приняли участие Советский Союз, США, Великобритания и Франция. Немецкая сторона, однако, не имела права голоса: «Западных немцев настоятельно попросили прислать свою делегацию. Однако саму делегацию, под руководством бундесканцлера Г. Коля и министра иностранных дел Х. Д. Геншера не допустили к переговорам, и они были вынуждены ожидать результатов в гостинице “Beau Rivage”»¹⁵. В романах Дитфурта также важное место уделяется восточным продуктам. Причем опять же не товар западного производства становится новым в бывшей ГДР, а напротив, волна нового товара восточного производства завоевывает рынки западной Германии: «Вместо ответа на подобные вопросы я обнаружил в EDEKA-магазинчике на углу, в котором я часто делал покупки, много новых товаров: берлинское пиво Pilsner, пиво для диабетиков, подслащенное сахарозаменителем, Club Cola, сельтерскую воду, Bitter Lemon и лимонад Astoria, произведенный на народном предприятии, Берлинском комбинате по производству охлаждающих напитков...»¹⁶

При этом рассказчик не только показывает то, как изменения затронули повседневную жизнь граждан, он указывает и на изменения, произошедшие в области издательского дела, с которой герой знаком в силу своей профессии журналиста: «...быстрее, чем я мог предположить, начались попытки втереться в доверие к все еще незнакомым новым хозяевам. Когда наступил перелом, многие хотели иметь возможность с чистой совестью сказать, что они всеми силами поддерживали объединение. <...> Издательство “Econ” с быстротой молнии обновило свою книжную программу. Руководство выкупило у издательств ГДР лицензии на произведения, в которых их интересовало не столько содержание, сколько тот факт, что эти книги цитировались на первых страницах анонсов. В своей издательской серии главный редактор Лутц Дурстхоф писал о “знаке доброй воли” и о “радости от Немецкого объединения”. Издательство хотело предоставить своим читателям возможность, “познакомиться с важней-

шими научно-популярными книгами Германской Демократической Республики»¹⁷.

В этом контексте рассказчик упоминает и о всеобщем ожидании «великого романа объединения». Однако в этот раз с большим нетерпением его ждут не западнонемецкие критики и литературоведы, а лично политик Курт Хагер, который упоминал о необходимости создания подобного романа в качестве одной из запланированных задач в культурной жизни ДРГ на последующие месяцы. Герман Кант немедленно следует выдвинутому известным критиком Марселем Райх Райници требованию и упоминает в одном из своих интервью о том, что в данный момент он как раз работает над таким произведением. В итоге весной 1999 года выходит роман под названием «Объединение», которое было «настоятельно рекомендовано политбюро»: «Критики пытались превзойти друг друга в своей радости по поводу этой «вехи на пути к развитой социалистической немецкой национальной культуре»¹⁸.

Тем не менее из-за большого количества беженцев из новой объединенной Германии правительство принимает решение закрыть границы государства: «Оправдавшие себя заградительные установки были дополнены электронными контрольными устройствами, которые фиксировали все движения еще задолго до границы. Служащие пограничных войск ДРГ — к которым ещё в 1991 году была присоединена федеральная пограничная охрана — с гордостью докладывали о том, что устройство сигнализации, централизации и блокировки намного действеннее, чем некогда стена и колючая проволока между Восточной и Западной Германией»¹⁹.

Роман Дитфурта, таким образом, является искаженным зеркальным отражением фактических исторических событий и представляет собой сатиру.

Редактор журнала «Шпигель» Себастиан Кнауер в романе «Эрих жив» идет тем же путем. Действие его романа разворачивается в 1999 году, в день, когда проходит празднование десятилетия падения Берлинской стены и воссоединения Германии. К этому моменту остается лишь одна супердержава — Советский Союз, так как Соединенные Штаты Америки распались и превратились в Союз независимых американских государств (СНАГ). В эпилоге юбилей устраивает считающийся умершим Эрик Хонеккер.

Остальгия в литературе, таким образом, представляет собой достаточно размытое понятие, встречающееся прежде всего в произведениях сатирического плана. Ута Байер отмечает: «ГДР — выцвела, но её ностальгиков невозможно уничтожить. Им запрещается хвалить то, что пришлось отдать, поэтому они пишут сатиры»²⁰.

Интересно и то, что в большинстве художественных произведений и эссе почти не возникает вопрос о необходимости преодолеть «остальгические» тенденции. Большинство авторов ограничиваются описанием событий и пытаются дать им объяснения.

Проанализировав основные этапы развития «ностальгии» как социокультурного феномена, можно сделать вывод о том, что, реконструируя и по-новому комбинируя знаки и лозунги ГДР, восточным немцам удастся реинсценировать тяжелое прощание со значимым отрезком своей жизни. Появившаяся необходимость заполнить чем-либо образовавшийся вакуум, основанный на чувстве утраты привычных ценностей, стала причиной возникновения ностальгии и ностальгического мифотворчества после объединения Германии.

¹ *Wehdeking V.* Vorwort // Mentalitätswandel in der deutschen Literatur zur Einheit (1990—2000). Berlin, 2000. S. 8. Здесь и далее перевод наш. — *М. П.*

² *Grub F.Th.* “Wende” und “Einheit” im Spiegel der deutschsprachigen Literatur. Berlin, 2003. S. 563.

³ *Ulbrich R.* Spur der Broiler. Wir und unser goldner Osten. Berlin, 1998. S. 148.

⁴ *Sämann W.* Mein Leben im Caravan: Roman. Berlin, 1992. S. 5.

⁵ *Bengsch G.* Prünzke&Prott. Berlin, 2000. S. 75.

⁶ См.: *Herlt G.* “Dann klappt es auch mit der Nachbarin!” // Herlt G. Ratgeber: Wie wird man Wessi. Eine heiter-ironische Lebenshilfe. Berlin, 2001.

⁷ *Wüstefeld L.* Grenzstreifen. Warmbronn, 1993. S. 4.

⁸ *Meier A.* Fixies: Roman. Berlin, 1999. S. 158.

⁹ *Gröschner A.* Moskauer Eis: Roman. Leipzig, 2000. S. 274.

¹⁰ *Sparschuh J.* Der Zimmerspringbrunnen: Roman. Köln, 1997. S. 104.

¹¹ *Schneider P.* Eduards Heimkehr: Roman. Berlin, 1999. S. 219.

¹² *Schulze I.* Stil als Befund // Experiment Wirklichkeit. Renaissance des Erzählens? Vierzehn Poetikvorlesungen und Vorträge zum Erzählen in den 90er Jahren / Hrsg. G. Herholz. Essen, 1998. S. 170.

¹³ См.: *Лье В.* В поисках радости // Столичные новости. 2003. 14—20 окт. №36 (281).

¹⁴ *Weniger M.* Das Trabi-Denkmal. Trabi-Geschichten für große Kinder und Erwachsene. Hildburghausen, 1996. S. 5.

¹⁵ *Ditfurth Ch. von.* Die Mauer steht am Rhein. Deutschland nach dem Sieg des Sozialismus. Köln, 1999. S. 87.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid. S. 142.

¹⁸ Ibid. S. 243.

¹⁹ Ibid. S. 204.

²⁰ *Baier U.* Sprachlos mit Yvette intim // Berliner Zeitung. 1997. 10. Febr. S. 4.

